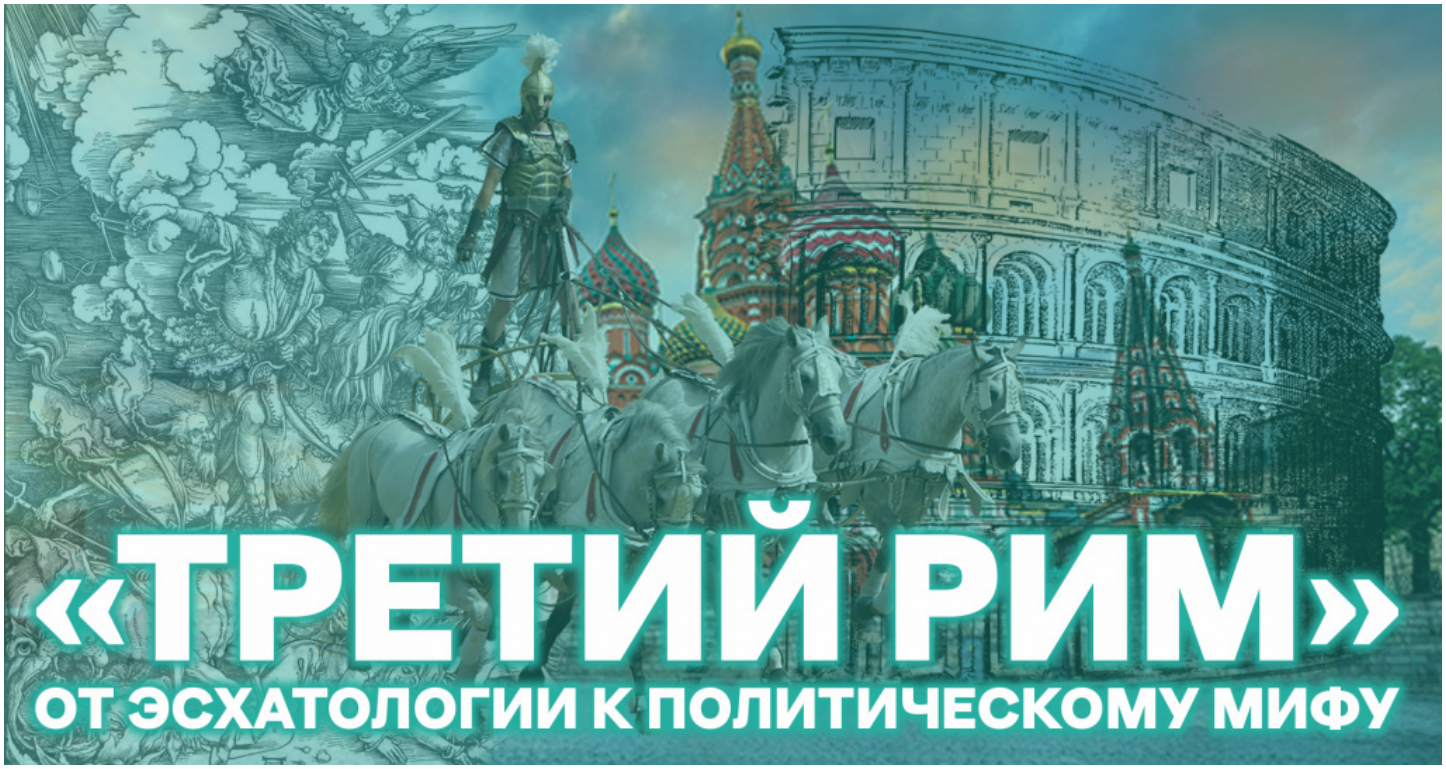
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ
Московского Патриархата

«Третий Рим»: от эсхатологии к политическому мифу

Павел Кузенков, кандидат исторический наук, специалист по истории Церкви и исторической хронологии. Доцент исторического факультета МГУ и Сретенской духовной семинарии, преподаватель Московской духовной академии

«Москва — Третий Рим». Это выражение часто приходится слышать в разных контекстах. Одни видят в нем претензии России на статус мировой сверхдержавы, другие — попытку обосновать первенствующее положение Московского Патриархата, третьи — некую особую связь преемства между Россией и Византией и ее предшественницей Римской империей. Но если проследить историю этой «формулы», мы обнаружим, что её значение более глубоко и не имеет отношения ни к политическому господству, ни, тем более, к каким-то статусным притязаниям со стороны Русской Православной Церкви. Смысл «Третьего Рима» — глубоко мистический и сокровенный, и коренится он в библейской эсхатологии.

Мировые царства у Пророка Даниила

История представлений об истории человечества как смене «мировых царств» восходит к ветхозаветной книге Пророка Даниила. В этой книге повествуется о жизни и пророчествах святого Даниила, иудея, жившего в годы Вавилонского пленения и служившего при дворе царя Навуходоносора II (605–562 гг. до Р.Х.) и его преемников.

Среди прочих сюжетов в Книге Даниила содержится рассказ об истолковании пророком сна Навуходоносора об истукане (Дан. 2:1–49). Вавилонский царь увидел странный сон, который встревожил его, но никто из мудрецов не мог растолковать его смысл. И только Даниил не только подробно пересказал Навуходоносору увиденное им, но и разъяснил его значение: золотая голова истукана, серебряная грудь, медное чрево и железные голени с примесью глины в стопах символизировали сменяющие друг друга царства. А камень, сорвавшийся с горы «без содействия рук» и разбивший колосса, означает царство, которое будет воздвигнуто Богом и «вовек не разрушится».

В 7-й главе той же книги повествуется о видении самого Даниила (Дан. 7:1–28). Пророку предстали четыре зверя, выходящие из бушующего моря: лев с орлиными крыльями, медведь с тремя клыками, барс с четырьмя крылами и четырьмя головами и чудище с железными зубами и десятью рогами. Среди этих рогов вырос новый рог, исторгший три других, и были на нём «глаза человеческие и уста, говорящие высокомерно». Затем на огненном престоле воссел Ветхий днями в белоснежных одеждах, «и судьи сели, и раскрылись книги». Жуткий зверь с говорящим рогом был убит и сожжён, а у прочих зверей была отнята власть. Даниил увидел, как «с облаками небесными шёл как бы Сын человеческий, дошёл до Ветхого днями и подведён был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдёт, и царство Его не разрушится».

Один из предстоящих объяснил Даниилу: «Эти большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли. Потом примут царство святые Всевышнего и будут владеть царством вовек и во веки веков».

Пророк Даниил. Микеланджело Буонарроти, Сикстинская капелла, Ватикан, 1511 г.

Изображение Навуходоносора II. Вавилонская камея

Звери из видения пророка Даниила. Беат Либанский. Кодекс Фернандо I и Доньи Санчи, 1047 г.

Пророчества Даниила вызывали живой интерес: ведь этот пророк точно указал время пришествия Христа (Дан. 9:25–26). Описанные им четыре царства хорошо укладывались в мировую историю: Нововавилонское царство (золотой лев) сменила Персия (серебряный медведь), ее поглотила Македонская держава Александра, разделившаяся после его смерти (медный барс о 4 головах). А затем почти всю вселенную объединила в своих железных объятиях могучая Римская империя. От всех прочих её отличало отсутствие единого правящего этноса (что объясняло непохожесть олицетворявшего её чудища ни на какого зверя), а примесь глины к железу легко объяснялась постепенным смешением воинственных римлян с подчинёнными народами. Рога можно было соотнести с боровшимися за власть императорами, а «высокомерные уста», угнетающие «народ святых», естественно было отождествить с приходом Антихриста — за которым наступало Царство Божие.

Именно такое толкование дал Книге Даниила св. Ипполит Римский (III в.), и позднее оно стало весьма популярно. Между прочим, Ипполит, подчитав сроки минувших царств, предположительно вычислил и время господства римлян: 500 лет. Любопытно, что между установлением империи при Августе (30 г. до Р.Х.) и её падением при Ромуле Августуле (476 г.) прошло почти ровно столько времени — 506 лет. Но «пала» только Западная половина. Восточная Римская империя, которую мы знаем как Византию, не просто уцелела: она просуществовала ещё без малого 1000 лет.

Константин I Великий (274–337 гг.)

Императоры Константин (справа) и Юстиниан (слева) перед Богородицей. Мозаика, Собор Святой Софии (середина X в.)

Новый Рим — Константинополь

В 324 году Константин Великий, первый император-христианин, объединил под своей властью Запад и Восток. И почти сразу же начал строительство новой столицы Римской империи — Константинополя, Нового Рима. Ему предстояло принять эстафету старого Рима в качестве всемирного политического центра. Отныне империя стала христианской, а его правители признавали себя лишь земными наместниками Небесного Царя. В сакральной сфере государство уступило место Церкви Христовой, предстоятели которой на местах образовали иерархию во главе с пятью наиболее авторитетными епископами — «патриархами вселенной».

По старому названию Константинополь часто называли Визáнтием, откуда и привычное нам именование всей империи — Византия. Но сами византийцы называли себя римлянами (ромеями) и никогда не сомневались, что продолжают жить в Римской империи. То есть в том самом последнем мировом царстве, за которым последует Второе Пришествие Христа и установление вечного Царствия Божия. Это задавало «политическую программу» христианской империи: её земные правители должны были готовить вручённый им народ к встрече Христа, чтобы на Страшном Суде лично ответить за нравственное состояние своих подданных. Это объясняет, почему в большинстве своём императоры так трепетно относились к вопросам религии и заботились о Церкви. Ведь от чистоты догматов и благочестия духовенства зависело благополучие государства и всех его подданных.

Военные поражения и внутренние неурядицы воспринимались христианским сознанием в

эсхатологической перспективе: как испытания, призванные укрепить народ Христов в верности Богу. Но положение государства век от века ухудшалось. Весь Восток с VII века оказался под властью иной религии — ислама. А Запад, оказавшийся во власти германских народов, сплотился вокруг папы Римского как единственного законного Наместника Христа и откололся от греческого мира и превратился из беспокойного союзника в непримиримого соперника православной Византии. Новый Рим оказался в изоляции. А когда увлеченные возродившимся эллинским национализмом греки оттолкнули от себя и своих единоверных соседей — болгар и сербов, дни империи оказались сочтены.

В отчаянной надежде сохранить государство византийские императоры и церковные политики дважды решались пойти на поклон к Западу, приняв продиктованные Римом условия Лионской (1274) и Флорентийской (1439) уний. Но ни в тот, ни в другой раз эти церковные компромиссы не только не принесли ожидаемых внешнеполитических дивидендов, но и вызвали мощный протест внутри страны.

Вот как описывал результаты Флорентийской унии византийский историк Дука: «Сразу после того, как архиереи сошли с трирем, население Константинополя по обычаю приветствовало и спрашивало: «Ну, как наши дела? Как собор? Одержали ли мы победу?» Но те отвечали: «Мы продали нашу веру, обменяли благочестие на нечестие, предали чистую жертву и оказались азимитами». … А если кто-то спрашивал у них: «Зачем же вы подписали?» — они отвечали: «Потому что боялись франков». И когда снова спрашивали у них, пытали ли франки кого-либо, или

били, или бросали в тюрьму? — «Нет». «Тогда почему же?» — «Сама рука подписала, — говорили они, — будь она отрублена! Сам язык согласился, будь он вырван!». Ничего другого они не могли сказать. Ведь некоторые архиереи заявляли при подписании договора: «Не подпишем, пока вы не дадите нам достаточно денег». Те дали, и они обмакнули перо. На них было истрачено бесчисленное количество денег, отсчитанное в руки каждого из отцов. Затем они раскаялись в содеянном, но серебра не возвратили. И признавшись, что продали свою веру, они совершили больший грех, чем некогда Иуда, ибо тот вернул сребреники. Увидел это Господь и отверг их. Поднялся огонь на Иакова, и обрушился гнев Его на Израиль» (Красавина С.К. Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церквей // Византийский временник. 1973. Т. 27. С. 145.)

Джентиле Беллини.
Портрет Султана Мехмеда II.
1480 г., Национальная Галерея, Лондон

Осада Константинополя.
Миниатюра Филиппа де Мазероля
из рукописи «Хроники Карла VII» Жана Шартье, XV в.

Псковский старец Филофей и его «формула»

Падение Византии в 1453 году в глазах современников было страшным, но закономерным и давно ожидавшимся событием. Даже значительная часть византийской элиты признавала, что «лучше увидеть в Городе турецкую чалму, чем латинскую шляпу». И когда войска Мехмеда II ворвались в отчаянно защищавшийся Константинополь, многие расценили это как заслуженное возмездие за измену Православию.

В середине XV века в мире не осталось православных государств. Новый Рим подпал под пяту турок. Болгария, Сербия, Валахия, Молодова уже давно были захвачены теми же османами. Последние осколки византийского мира, Трапезунд и крымское княжество Феодоро, пали в 1461 и 1475 гг. Оставались ещё Грузия и Русь — но и они, разделенные на несколько частей, влачили

жалкое существование под игом мусульманских держав. Кто же подхватит упавшее знамя Последнего Царства? Многие считали, что наступила полнота времён, и мир стоит на пороге Второго Пришествия — тем более, что по общепринятой хронологии приближался мистический 7000 год от сотворения мира.

Но не все придерживались апокалиптических настроений, безропотно ожидая конца света. Некоторые иерархи обратили свои взоры на единственный уголок православного мира, где Флорентийская уния вызвала открытое осуждение со стороны власти и Церкви. Туда, в далёкую Москву, отправился в 1460-х годах патриарх Иерусалимский Иоаким, осознавший ошибочность надежд на помощь Запада против турок в обмен на унию. Иоаким умер в Крыму, так и не доехав до Москвы. Но вскоре вслед за ним поедут на Русь вереницы просителей и ходатаев со всего Христианского Востока. А среди русских мыслителей станет крепнуть осознание особой роли, которую начинает играть Московское государство.

В 1472 году великий князь Московский Иван III Васильевич вступил в брак с Софией (Зоей), племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога. А вскоре, в 1480 году, Московская Русь окончательно освободилась от ордынской дани, и с 1493 года Иван III стал титуловаться государем всея Руси. Страшивший многих 7000-й год благополучно миновал, и начало нового тысячелетия от сотворения мира стало эпохой бурного роста новой православной державы — Русского государства.

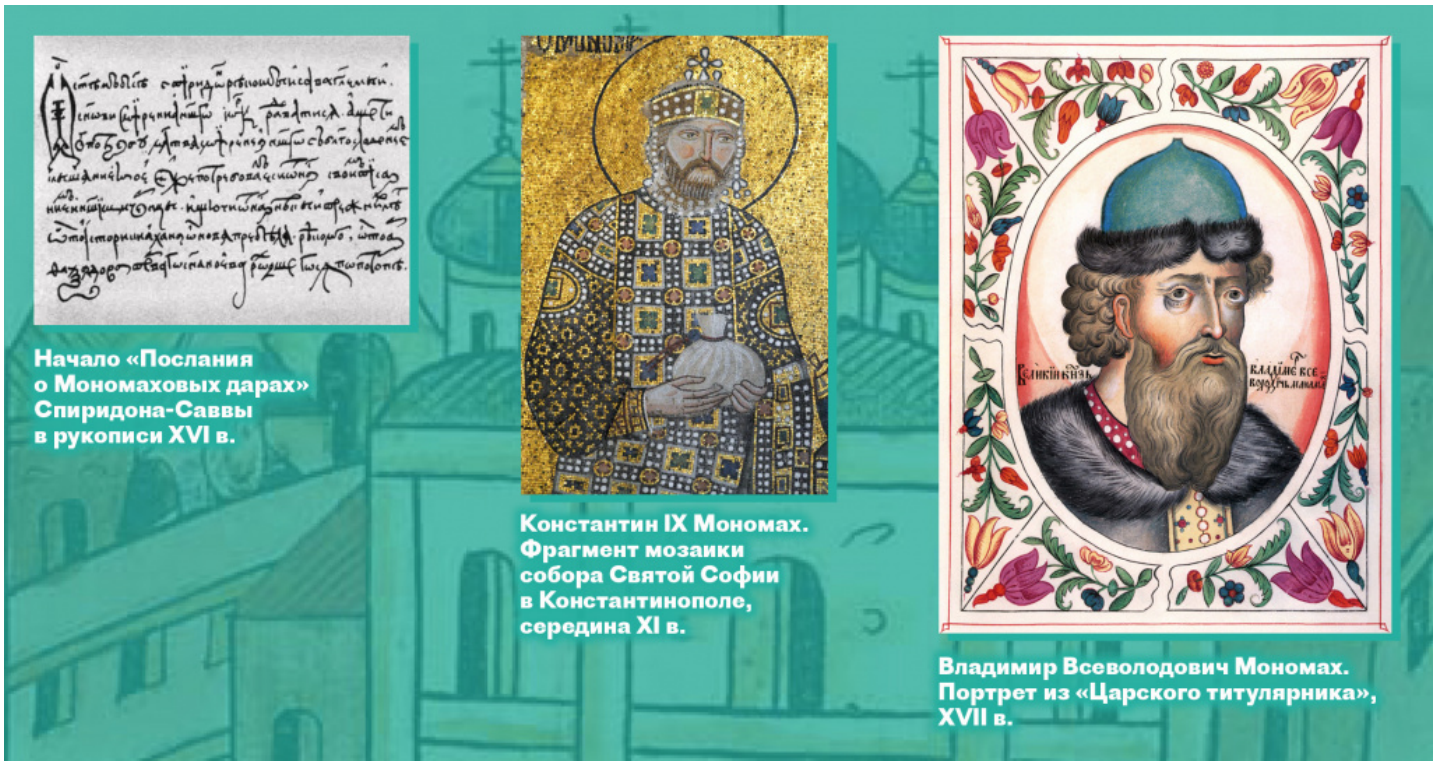
Иван III Васильевич.
Портрет из «Царского титулярника», XVII в.

Софья Палеолог.
Пластическая реконструкция
С. А. Никитина, 1994 г.

Митрополит Зосима.
Фрагмент миниатюры.
Лицевой летописный свод.
Книга 17, стр. 140

Спиридон-Савва, автор «Послания о Мономаховых дарах» (ок. 1503 г.), вкладывает в уста

императору XI века Константину Мономаху следующее напутствие к его внуку, русскому князю Владимиру Мономаху: «Да пребудут Церкви Божии без мятежа, и все Православие пребудет в покое под властью нашего царства и твоего вольного самодержавства Великой России. Да будешь с этого времени называться боговенчанным царем, увенчанный сим царским венцом рукою святейшего митрополита Неофита с епископами».

Начало «Послания о Мономаховых дарах» Спиридона-Саввы в рукописи XVI в.

Константин IX Мономах. Фрагмент мозаики собора Святой Софии в Константинополе, середина XI в.

Владимир Всеволодович Мономах. Портрет из «Царского титулярника», XVII в.

Характерно, что император здесь вовсе не уступает своего титула и центрального места как покровителя всего православного мира, но как бы присоединяет к своему служению русского князя — признаваемого «вольным и самодержавным» царем Великой России. Именно этот титул и «восстановит» в 1547 году Иван Васильевич Грозный во время своего знаменитого венчания на царство.

Самым известным текстом, содержащим концепцию новой миссии Московского государства, стало послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину, составленное в 1523 году. В конце своего письма (посвященного весьма актуальной в то время теме — опровержению предсказаний западных астрологов) ученый старец сообщает адресату «нечто прикровенное» «о нынешнем православном царстве пресветлейшего и высокостольнейшего государя нашего» (имеется в виду великий князь Василий III Иванович):

«Ведай, христолюбче и боголюбче, что все христианские царства пришли к концу и сошлись во едино царство нашего государя — по пророческим книгам то есть Ромейское царство. Два убо Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостол Павел поминает Рим в

посланиях, и в толковании сказано: «Рим — весь мир». … Видишь ли, избранниче Божий, яко все христианские царства потоплены неверными, только единого государя нашего царство едино благодатию Христовой стоит. Подобает царствующему держать сие с великим опасением и Богу обращением, не уповать на злато и богатство исчезающее, но уповать на все дающего Бога».

В последних словах и заключен подлинный смысл «формулы Филофея»: бремя «Третьего Рима», последнего земного царства, налагает на русского государя огромную нравственную ответственность. Теперь он в ответе за весь мир, и должен править «с великим опасением», уповая не на земные богатства, но на помощь Божию.

Вопреки расхожему мнению, русские великие князья и цари никогда не претендовали на так называемое византийское наследство. Брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего константинопольского императора Константина XI, никаких правовых последствий не имел, так как наследником считался брат Софьи, Андрей, а тот продал свои права французскому королю Карлу VIII (а потом еще и Фердинанду Испанскому). Так что если и могла идти речь о Москве как преемнице Второго Рима — то только в отношении духовного наследия и мистического бремени «последнего царства».

Иеремия Константинопольский и Московское патриаршество

Патриарх Константинопольский Иеремия II Транос

В актах и документах Русского государства концепция «Третьего Рима» не нашла отражения. Очевидно, московские государи относились к данному тезису с осторожностью. Неправильно понятый, этот тезис мог быть понят как претензии на политическое наследство Византии — что неминуемо вело к обострению отношений с Османской империей. А война с могущественным султаном вовсе не входила в планы правителей России, хотя к этому их и подталкивали и западные «партнеры», и многие греки, мечтавшие об освобождении от османского ига.

Как ни удивительно, едва ли не единственный раз формула Филофея официально воспроизводится именно в словах греческого иерарха — Константинопольского патриарха

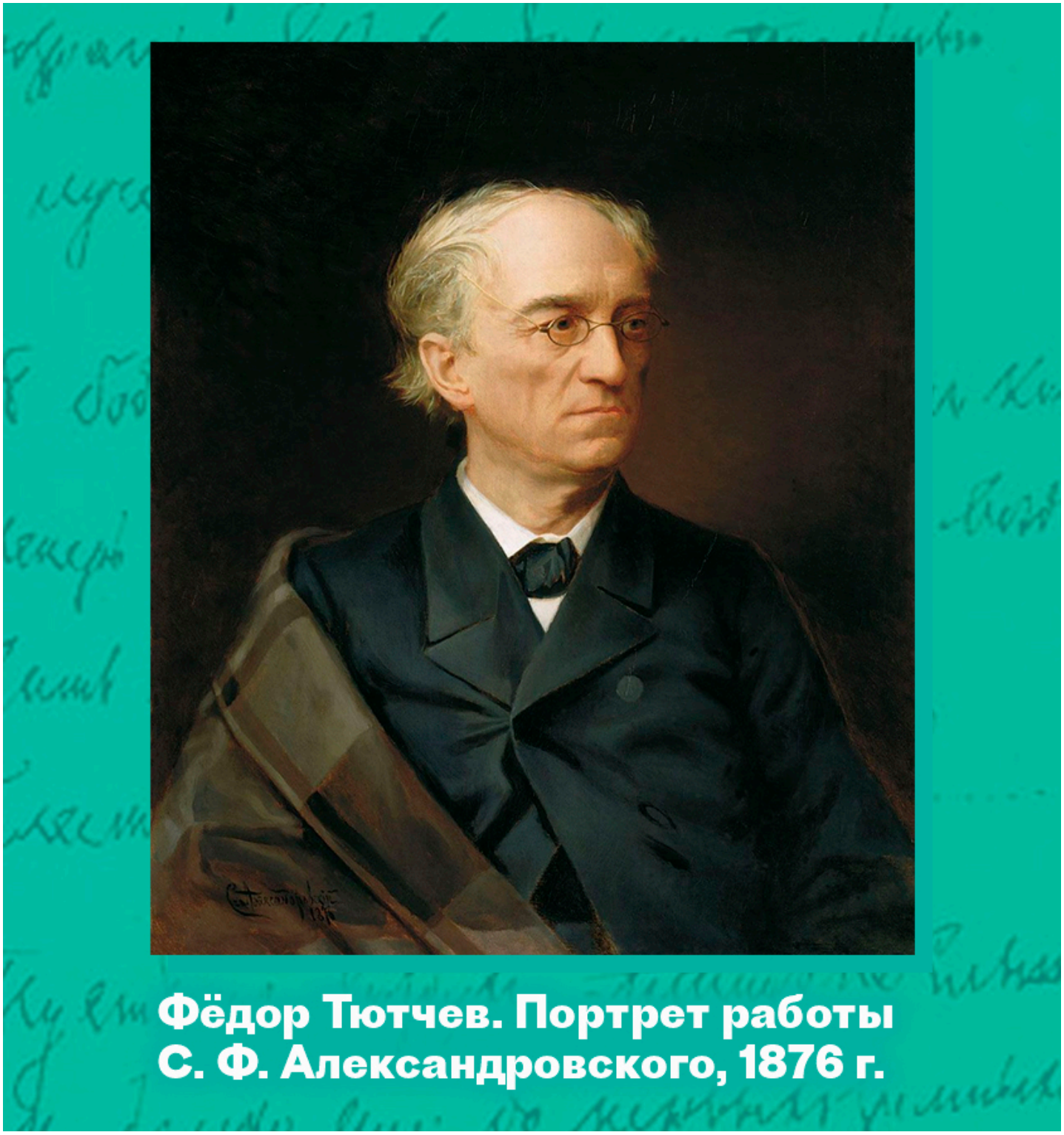
Иеремии II. В подписанной им Уложенной грамоте 1589 года об учреждении в России Патриаршего престола в уста греческому иерарху влагаются следующие слова, адресованные царю Феодору Иоанновичу:

«Ветхий Рим пал из-за ереси Аполинария, второй же Рим, иже есть Константинополь — внуками агарянскими, от безбожных турок обладаем, а твое, о благочестивый царь, великое Российское царство, третий Рим, благочестием всех превзошло, и все благочестивые царства в твое воедино собрались, и ты один под небом христианским царем именуешься во всей вселенной, во всех христианах». (Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. С. 97.)

Идея «Третьего Рима» в Российской империи

В Петровскую эпоху происходит резкий разворот российской государственной идеологии. Петр не любил Византию, погибшую, по его мнению, из-за ханжества правителей и их пренебрежения военным делом. В качестве своего идеала он избрал не второй, а первый Рим — о чем свидетельствуют принятие им титула императора и учреждение Сената. И хотя Российская империя по-прежнему претендовала на роль лидера православного мира, лидерство это потеряло мистический характер «Последнего царства».

В XIX веке концепция Третьего Рима с ее изначальным эсхатологическим смыслом была, казалось, забыта.

Фёдор Тютчев. Портрет работы С. Ф. Александровского, 1876 г.

Но в 1849 году, на пике внешнеполитических успехов Николая I, 45-летний русский дипломат Фёдор Тютчев пишет стихотворение «Русская география», где обрисовывает впечатляющие границы «царства Русского» и заключает явной параллелью к идеям старца Филофея:

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,

Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Эти чаяния грядущего имперского величия жестоко пресекла Крымская война. Но и в последующем идея византийского наследия бередила умы многих русских публицистов и трансформировалась в мечту о водружении креста на Святую Софию.

Следует, впрочем, признать, что реальная политика России была вполне прагматична. Вопрос о захвате Константинополя и взятии под контроль Проливов, действительно, не раз стоял на повестке дня. Но за ним стояли почти исключительно геополитические и экономические интересы. Мистические идеи Последнего Царства были в целом чужды империи Романовых, ориентированной на западные цивилизационные образцы. Лишь при Николае II наблюдается некоторое оживление интереса к византийской политической традиции, но это был последний всплеск перед катастрофой 1917 года и последующей радикальной сменой всей политической идеологии.

«Бремя Рима» в современном контексте

Следует отметить, что концепция «Москва — Третий Рим» нередко выступала в роли политического пугала, которыми стращали свои народы правители европейских государств.

Особенно раздражающей она выглядела в глазах греков, которые сами грезили о восстановлении Византии. Формулу древнерусского монаха идеологи греческого национализма причудливо сплетали с идеями мифического «панславизма» и видели в этом претензии России на установление мирового господства с опорой на славянские народы и, конечно же, в ущерб эллинам — истинным наследникам Второго Рима. И хотя для таких опасений не было никаких серьезных оснований, многие греческие публицисты в течение XIX–XX веков подозревали Россию в планах «узурпации» византийского наследия, а Русскую Церковь — в попытках потеснить древние Патриархаты.

Между тем Московский Патриархат никогда не претендовал на роль «главы» мирового Православия. Даже во времена Сталина, в ходе известных событий 1945–1948 годов, планы советского руководства «перекроить» мировое Православие в пользу Русской Церкви для своих внешнеполитических целей не нашли реализации в официальных заявлениях или действиях священноначалия РПЦ, прекрасно осознававшего печальные последствия этого авантюрного проекта для всеправославного единства (официальные материалы тех лет доступны в архиве «Журнала Московской Патриархии» (**http://www.jmp.ru/ymarh4354y.php?y=54)**.).

Тем более в наши дни не существует ни одного акта, документа или выступления представителей

Русской Православной Церкви, в которых был бы выражен хотя бы намек на желание подчинить себе другие братские автокефальные Церкви и возвыситься над ними. На этот факт, как и на неактуальность идеи «Москва — Третий Рим» для современной церковно-политической ситуации неоднократно указывали председатели Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата — как митрополит Кирилл (ныне Патриарх Московский и всея Руси), так и митрополит Иларион. (см. **письмо Мелитону, митр. Филадельфийскому, от 23.12.2004 г.**, **интервью от 13.07.2019**; **интервью от 04.12.2020**; **интервью от 13.12.2020**).

Мираж «славянской угрозы» оказался настолько сильным, что даже повлиял на отказ греческих ученых использовать историческое название «Русик» (Ῥωσικόν) для афонского монастыря Св. Пантелеимона. А в своем нынешнем деструктивном противостоянии Московскому Патриархату из-за Украины Константинопольский патриарх Варфоломей и его единомышленники стремятся разыграть карту «эллинской солидарности», настойчиво призывая греческих иерархов других Поместных Церквей принять явно неканоничную сторону.

В основе всех этих фобий и подозрений — увы, определяющих деструктивную для Православия церковную политику Константинополя — лежит полное непонимание сути идеи «Москва — Третий Рим», которую некоторые греческие иерархи считают «болтовней», «оскорблением» и «хулой» (**письмо генерального секретаря Священного Синода Константинопольского Патриархата Мелитона, митр. Филадельфийского, от 27.05.2004 г.)** и даже именуют «сатанинской и империалистической теорией» (**https://www.orthodoxkorea.org/gr-interview-met-ambrosios-russian-orthodox-patriarchate-**

korea/ , **https://www.archons.org/-/moscow-tramples-canons-undermines-korea**).

Старец Филофей, предложивший эту формулу 500 лет назад, просто констатировал историческую реальность той эпохи: исчезновение с карты мира всех православных государств, кроме Московской России, и подчинение всех автокефальных Церквей (включая и Вселенский Константинопольский Патриархат) власти иноверных правителей. Но самое главное — что концепт «Последнего царства» ни тогда, ни впоследствии не означал претензий России ни на политическое наследие Византии, ни, тем более, на всемирное господство.

Прямо наоборот: «Третий Рим» — это мистический образ «последнего государства» мировой истории, правители которого несут высочайшую нравственную ответственность за судьбы всего человечества и должны уповать не на преходящие богатства, силу и славу «века сего», но исключительно на Бога.

Источник: https://mospat.ru/ru/authors-analytics/86649/